

менялась охрана. Сменено было несколько воевод, может быть, не без связи с создавшимся положением. Однако все эти меры оказались недостаточными, чтобы прекратить связи Аввакума и его «товарищи» со своими последователями, и письма, и послания пустозерских узников по-прежнему расходились по всей стране, приходили также в адрес самих властей, светских и духовных. В начале 1676 г. даже сам царь Федор Алексеевич получил от Аввакума челобитную, написанную в очень резком и неуважительном тоне.⁵ Эта челобитная 1676 г., переполнившая чашу терпения, и вызвала, наверно, решение о переводе Аввакума с «товарищи» в монастырские тюрьмы Кожеозерского и Спасо-Каменного монастырей. Предполагалось, что они полностью изолируют узников от их последователей.

Таким образом, решение о переводе протопопа Аввакума и остальных трех его соузников в монастырские тюрьмы Кожеозерского и Спасо-Каменного монастырей надо поэтому рассматривать как новую попытку более надежной изоляции их от внешнего мира, как попытку разъединить беспокойную «страдальческую четверицу». Это был не только ответ на челобитную Аввакума, но и первый шаг новой политики царя Федора в отношении главарей старообрядчества — политики, отличавшейся более жестоким курсом и вызванной несомненно в первую очередь этой челобитной. Воспитанник Полоцкого, он уже не имел той жалости к ним, которая, бывало, нет-нет да и мелькнет у его отца, хорошо лично знавшего этих людей.

Правда, из документов неясно, на какой срок замышлялся перевод «раскольников» из Пустозерска в монастыри: пожизненно или на определенное время. По записи от 24 февраля можно заключить, что перевод предполагался временный, вроде как бы только для увещания. Но тогда сразу же возникает вопрос, зачем для увещания четырех лиц потребовалось выделять два монастыря, расположенные на большом расстоянии один от другого, когда это можно было сделать в одном из них — Спасо-Каменном или Кожеозерском. Очевидно, эти монастыри назначены были для принятия их к себе «под начал» и надолго. Здесь же явно какая-то неточность. Не является ли эта запись, относящаяся, по-видимому, к февралю 1677 г. и говорящая о возвращении Аввакума с «товарищи» из монастырских тюрем в Пустозерск, плодом недоразумения, канцелярской ошибкой, вызванной неясностью самого хода этого дела уже с самого его начала? Судя по этой записи можно подумать, что они ездили туда, но в действительности это, как только что сказано, было недоразумение. В Москве считали, что перевод был осуществлен, но он, по-видимому, так и не состоялся. Мы уже отмечали выше, что «пустозерские страдальцы», за исключением дьякона Федора, ни разу не обмолвились в своих сочинениях о попытке или даже временном переводе их из Пустозерска в монастырские тюрьмы. Повторяю, по-видимому, вся эта затея с их переводом осталась только на бумаге.

Что же касается срока перевода, то он, наверно, мыслился навсегда или по крайней мере надолго и означал бы, как уже отмечено, для Аввакума с «товарищи» усиление их тюремного режима, чего не могло, по представлению высших властей, сделать светское начальство в Пустозерске. Не случайно также для этой цели были выбраны Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри. Оба они находились в пустынных, безлюдных местах, являлись надежными оплотами православия во время Соловецкого бунта, особенно первый, и имели уже большой опыт как монастыр-

⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения М., 1960, стр. 205—207.